

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

О. В. Егорова

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ДУШЕ В РОДИЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ ЧУВАШЕЙ

Душа в представлении чувашей является некоей субстанцией, основным универсальным критерием всего живого, жизненного. Этим термином также обозначается форма, в которой продолжает «жить» умерший человек после смерти. Представление чувашей о душе, сформированное в ранних религиозных верованиях, в последующем трансформировалось под влиянием христианских воззрений.

К л ю ч е в ы е с л о в а: чувашская этнография, чувашский фольклор, обряды, традиция.

Традиционная духовная культура сохранила в себе архаичные универсальные черты, что вызывает особый интерес. Представление о душе, сформированное в ранних религиозных верованиях, в последующем синтезировано с христианскими воззрениями, и это дает возможность глубже проникнуть в духовный мир чувашей, выяснить особенности его миропонимания. Отправной точкой данной статьи стали определения, данные термину «душа» в научной литературе. «Душа — религиозно-мифологическое представление, возникающее на основе олицетворения жизненных процессов человеческого организма, как бессмертной нематериальной части человеческого существа, сложившееся у европейских народов под влиянием христианского вероучения, является плодом длительной и сложной дистилляции гораздо более смутных и элементарных мифологических представлений. Для неевропейских народов, у которых отсутствуют представления, эквивалентные этому понятию, характерно олицетворение отдельных сторон жизнедеятельности человека: дыхания, крови, частей и органов тела, сознания, чувства, движения, здоровья и пр., а также некоторых представлений, связанных со смертью и умершими» [Токарев, 1987, 414]. В другом определении «душа — главное понятие народной антропологии, бессмертная субстанция жизни, заключенная в теле человека и покидающая его в момент смерти [Толстая,

1999, 162]. В христианстве представление о душе достигло максимальной дематериализации, в то время как в самых ранних представлениях человека душа выглядела телесной, вещественной субстанцией, не всегда способной отделяться от тела. Например, очень архаично отождествление души с кровью, с птицей или насекомыми, чей вид принимала душа, выходящая из тела человека. Вместе с тем в первобытных обществах широко распространена вера во внешнюю, свободную душу, пребывающую вне тела человека. Многим народам свойственно представление о множественности обитающих в человеке душ [см.: Токарев, 1987, 415].

В народной традиции различаются три стадии существования души, с каждой из которых связаны разные представления о ее субстанции, характерных для нее локусах, свойствах, потребностях, «поведении» и т. п.: 1) душа живого человека, пребывающая в теле; 2) душа, только что отделившаяся от тела, но остающаяся как бы «на привязи», сохраняющая некоторую зависимость от тела, посещающая места своего прижизненного бытования; 3) душа умершего, окончательно покинувшая тело, достигшая назначенного ей места и ведущая независимое существование в потустороннем мире или же не получившая пристанища и оставшаяся между мирами [см.: Толстая, 1999, 162].

По данным этнографической литературы XVIII—XIX вв. одним из ранних распространенных синкретизированных элементов древних языческих верований чувашей является вера в душу — «чун». В анимистическом представлении это нечто тонкое, материальное существо, источник жизни и сознания. Под влиянием мировых религий душу стали считать нематериальным, абстрактным существом [см.: Кудряшов, 1974, 82].

Чуваши считали, что с ю л д а н, или л е т у ч и й з м е й, живущий в воздухе, способствует деторождению, поэтому, увидев его, просили о детях [С. А., 1827, 213]. Сибирские чуваша верили и поклонялись богу В ё р е С ё л е н, обитавшему в воздухе и сообщавшему женщинам дар деторождения [см.: Мальхов, 1877, 22].

Пупок (пуповину) считали проводником души из тела [см.: Егорова, 2003, 40]. В статье П. С. Савельевой «Казанские чуваша» отмечено, что чуваша верили в то, что до соединения с телом души живут «в удивительно прелестной, богатой и плодородной стороне, лежащей к юго-востоку от Чувашляндии» [Савельева, 1851, 402].

Язычники-чуваша считали, что душу для новорожденного находит божество ч у н п ў р е н т у р а й [см.: Ашмарин, 2000, 236], а вселяет — ч у н с у р а т а н [см.: Там же, 238]. Самарские чуваша отмечали, что пир.шги записывал судьбу ребенка [НА ЧГИГН, отд. 1, т. 151, л. 25]. Н. В. Никольский отмечал, что, по мнению чувашей, душу ребенку приносил п и р ё ш т и перед самым появлением его на свет. А до этого ребенку дан дух, который называется чъм. Чуваша появление души связывали со второй половиной беременности, с моментом первого шевеления ребенка в чреве матери (4,5—5 месяцев) [см., например: Никольский, 2004, 325; Ашмарин, 2000, 235] или с его жизнеспособностью (7-й месяц) [НА ЧГИГН, отд. I, т. 168, л. 617]. Недоношенный ребенок (семимесячный) обычно выживал.

Некоторые чуваша полагали, что душа умершего близкого родственника, если в доме есть беременная женщина, переселяется в плод, находящийся в утробе будущей матери. С. А. Токарев отмечает в этой связи идею реинкарнации (переселение душ, метампсихоз), восходящую к глубокой древности [см.: Токарев, 1987, 415]. Нередко

чуваши давали детям имена умерших старых родственников. Традиция называть новорожденного именем умершего восходит к культу предков. Видимо, первоначально это было связано с верой в переселение души умершего в новорожденного, а позднее в этом угадывается уже стремление подольше сохранить память об умершем. Продолжением этой традиции является отмеченный и в XX в. определенный порядок в выборе имени, при котором первый сын носил имя деда с отцовской стороны, второй — имя деда по материнской линии.

Способ попадания души в тело ребенка — *в с е л е н и е*. Период вселения души в ребенка был особо важным для чувашей, в этот период должна была вести себя с особой осторожностью. Так, например, считалось, что если мать увидит в момент первого движения плода горбатого или рябого, то и ребенок родится таким же [см.: Волков, 1997, 204]. Не рекомендовалось ничего класть за пазуху, иначе это могло отразиться на теле ребенка в виде красного пятна [см.: Ашмарин, 2000, 235]. Любая аномалия, уродство рассматривались чувашами как печать «иноного» мира, поэтому смотреть на увечных и смеяться над ними запрещалось, так как мог родиться ребенок, похожий на них. Еще в древности верили, что рассматривание красивых предметов благотворно влияет на беременную.

Тотчас по появлении на свет ребёнка бабка натирала пуповину по направлению к животу для того, чтобы не ушла душа ребёнка [см.: Благовидов, 1886, 10]. Если ребенок рождался без признаков жизни, то совершали обряд вселения души *ч у н к ѳ р т н и*, разыскивая душу в трех мирах — верхнем, среднем и нижнем. Одна из женщин, поднявшись на подволоку, просила душу для ребенка у верховного бога (*Т у р ä*), другая, спустившись в подполье, — у дьявола (*ш у й т т а н а*), а третья ходила с караваем хлеба во двор и взывала к семейству земных духов (*с ё р й ы ш ё*), земному богу, добрым и злым духам всего света [см.: Денисова, 1989, 52]. Если родившийся ребенок не плакал и не двигался, то *э п и к а р ч ä к* начинала стучать по сковородке, чтобы душа вошла в тело ребенка [см.: Егорова, 2003, 41].

В д. Аبرىськино Нурлатского района Республики Татарстан приговаривали:

Эй, ашщë пушне шäтармалла пулсан та,
 Амäшне хëнемелле пулсан та,
 Чун пар!
 (Эй, если даже придется пробить голову отца,
 Мать побить,
 Дай душу!)

После этих слов трясли ребенка вниз головой, пока он не заплачет.

Применялись и другие способы оживления малыша. Ещё до перерезания пуповины ладонью били по заду ребенка до тех пор, пока он не заплачет. Если и такой способ не помогал, то в чайник или в другую посуду наливали холодную воду и тонкой струей лили на грудь ребенку. Процедуру проводили также следующим образом: брали два корыта, одно наполняли холодной водой, другое — теплой и попеременно опускали ребёнка то в одно, то в другое корыто. Одновременно надавливали на грудь ребенка. Как правило, из-за холодной воды ребенок вздрагивал и начинал кричать. Трясти его не рекомендовалось, т. к. это могло привести к преждевременной смерти [см.: Егорова, 2003, 42]. Священнику А. В. Рекееву приходилось в детстве наблюдать

оживление младенца, что он в своих воспоминаниях и записал: «...Поднесла новорожденного к сковороде и начала стучать ножом в сковороду, но младенец продолжал молчать. Потом старуха начала стучать в заслонку, и это не помогло. Потом полили на голову младенца холодной воды, и это не помогло. Наконец, уже пригласили бабу, которая положила малютку в печь и заслонила заслонкой, полагая, что он озяб, и после этого младенец не прокричал» [ГАУО, ф. 835, оп. 1, ед. хр. 4, л. 17].

Распространены были и поверья о возможной порче беременной и похищении или подмене еще не родившегося младенца, для предотвращения чего будущая мать должна была не забывать постоянно креститься и читать молитвы. К постели она подвешивала охранительные амулеты и ладанки с заговорами и молитвами. Во время беременности чувашки проводили обряд жертвоприношения духу *п я р е й*. Аналогичный дух встречается у татар и у вотяков — *и б ы р* (в виде коромысла) [см.: Гаврилов, 1891, 87], который по поверью мог похитить ребенка у беременной женщины. Поэтому женщины, укладываясь спать, клали под подушку нож (или любой другой железный предмет). Если женщина находилась дома одна, то рядом клала мужскую шапку, чтобы *пярей* не подумал, что у неё нет мужа [см.: Салмин, 1989, 6].

Причиной прерывания беременности, опять же по поверью, могло быть появление злого духа (*у с а л с ы в л а ш*), который являлся под видом повитухи и способствовал ускорению родов, пока женщина была в беспамятстве и оцепенении. Он якобы вел себя, как повитуха: принимал ребенка, обмывал его, а потом, завернув ребенка в холщевую рубашку, уносил с собой [см.: Денисова, 1989, 52].

Виновниками многих несчастий при родах считали злых духов. Поэтому старались щедро одаривать их подарками, чтобы роды были успешными. Помещение к принятию родов готовилось заранее: мыли пол и скамейки в бане, «изгоняли» злых духов, варили настои из берёзы, калины и змеевика и других лекарственных растений, запасались чистым бельём для ребёнка и матери [Чуваши, 1972, 308], ножницами. По представлению суеверных чувашей, при родах присутствовал злой дух (*п и р е а л п а с т а*), который ожидал смерти матери или ребенка. Он являлся в образе человека с острой шапкой [см.: Денисова, 1989, 51]. Чтобы уберечь новорожденного от него, а также от злых духов, сразу после рождения совершали специальные обряды, произносили заклинания, остерегались вредоносного воздействия духов заложных покойников. Обращаясь к последним, говорили: «Вы еще очень рано пришли за новорожденным ребенком, чтобы взять его к себе, а дайте ему возможность жить, как вы некогда жили и веселились, не хватайте его за живот и за голову, оставьте его в покое и ступайте к старым» [см.: Там же].

Душу человека у язычников-чуваш охраняли божества *ч у н с ы х л а н* [см.: Ашмарин, 2000, 237] и *ч у н с у р а т а к а н т у р а* [см.: Там же, 238]. Последний, кроме того, еще и даровал души младенцев.

Рождение ребенка означало появление новой души в доме [см.: Там же, 229]. Новорожденного называли *ч у н а м а р* (дитяtko) [см.: Там же, 233], *ч у н т а т а к е* (кусочек души) [см.: Там же, 238].

Дьякон Яков Стеклов, описывая обычаи чувашей д. Хорн-Кукшум Ядринского уезда, отмечал, что покровителем младенцев считали ангела-хранителя — *п у л ё х с и*, который дается им приблизительно по крещении ребенка [НА ЧГИГН, отд. 1, т. 233, № 5808, 418]. Он посылался на землю назначать рождаемым младенцам участи и

записывать имена, даваемые им юзьями по рождении ребенка. После чего возвращался на небо и доносил об этом к е б е, или с у д ь б е [С. А. 1827, 211]. Поэтому до крещения дитя старались не выносить вечером во двор, не брали в гости.

Французский этнограф и фольклорист Арнольд ван Геннеп отмечал, что умершие дети (некрещеные, не получившие имени и не прошедшие инициацию) обречены на жалкое существование. Они никогда не могли включиться в сообщество, которое там сложилось [Геннеп, 1999, 146]. По мнению чувашей, душа человека, не преданного земле, не вступала в эту общину, а обращалась в лешего, страдала, кричала, требуя похорон, и пугала людей до тех пор, пока кости его не были похоронены. Незаконнорожденные дети, убитые до крещения, обращались в огненных змей [см.: Комиссаров, 2003, 76], а ребенок попадал в ад. Его грехи можно было замалывать, для чего покупали сорок крестов и после освящения раздавали в церкви народу [НА ЧГИГН, отд. 1, т. 184, л. 325]. С крещением старались не затягивать еще и потому, что некрещеному ребенку по народным представлениям легче могли повредить нечистые силы, особенно в вечернее время; считалось, что младенцем может завладеть «злой дух». Чувашаи считали, что до крещения около ребенка находятся под разными видами злые духи, которые змеем завиваются вокруг шеи, поэтому около некрещеного ребенка нельзя было крепко засыпать.

По мнению чувашей, в здоровом теле ребенка должна быть только одна душа. Наличие нескольких душ является признаком нездоровья (а ч а й а в и с ч о н п о л н ѐ), и необходимо было выгнать лишние души. Признаками этой болезни являлось опухание живота, волнообразное поднимание и опускание живота во время дыхания. Для изгнания лишних душ знахарь или бабка клали больного ребенка в корыто и вместе с корытом несли его к открытому окну. Между тем другому ребенку давали сковородник, на котором тот, садясь верхом, три раза обегал весь дом. Далее велся диалог между знахаркой и ребенком. После этого окуривали ребенка дымом от бересты и прочих древесных трутовиков, и лечение на этом уканчивалось [см.: Мессарош, 2000, 300]. Семантика ритуальных диалогов разнообразна. В основном они призваны были уберечь ребенка от воздействия нечистой силы, способствовать его долголетию и здоровью.

Были случаи, когда женщина рожала втайне, а потом избавлялась от ребенка: оставляла в лесу, топила в колодце или в речке, убивала и хоронила тайком рядом с кладбищем. Чувашаи считали, что брошенные дети превращались в лешего (а р с у р и). Информатор Н. И. Ашмарина пишет, что «второпях девушки оставляют ребенка, не бросив на него ни одной порошинки земли. Поэтому ребенок, т. к. его не посыпали землей и не отпели, уходит в лес и превращается в арсүри» [см.: Ашмарин, 1994а, 309]. Венгерский тюрколог, фольклорист и этнограф Дюла Мессарош отмечает, что Ар-сүрри может также появиться из задушенного младенца, рожденного девицей [см.: Мессарош, 2000, 53].

Особенно распространенным было представление об «огненных змеях» в ё р и с ё л е н, летающих ночью и извергающих искры. Происхождение их люди связывали с душами умерщвленных незаконнорожденных детей, схороненных тайно от людей. По мере достижения души ребенка возраста 18 или 19 лет, она будто бы начинала приставать к женщинам или мужчинам, поражая их хроническими болезнями. Вера в «огненного змея» была подхвачена и официальной православной церковью, обя-

вившей, что в в ё р и с ё л е н превращаются некрещенные дети и что от этой нечисти может очистить человека только церковь, окуривая дымом ладана [см.: Кудряшов, 1974, 84].

Как уже отмечалось, душу чуваша представляли отдельным от тела существом, но не чисто духовным: ей приписывали материальность. Жила душа в теле человека в самой середине его, но где именно, не знали. Приписывали ей даже цвет, по которому различали души людей и разных животных. Душа имела тот же самый образ, какой имело тело, в котором она жила. По выходу из тела она купалась. Потом поступала в руки ангелов и переходила в загробный мир по определению Божьего суда. Душа слышала и видела все, что о ней говорили и делали вокруг тела, пока оно находилось дома [см.: Комиссаров, 2003, 75].

По представлениям чувашей, за душой умирающего человека приходит дух смерти — ч у н и л л и. Когда кто-либо умирал, один из родственников выносил во двор яйцо и бросал за ворота. В Старо-Шигалинском приходе яйцо перед выбрасыванием до трех раз обносили вокруг головы умершего. Если умерший — младенец, то яйцо выбрасывалось во двор, если же взрослый — на улицу. Яйцо предназначалось в дар злым духам, чтобы они не приступили к душе умершего [Магницкий, 1881, 268] или, по мнению других чувашей, чтобы показать, что душа отделилась от тела [НА ЧГИГН, отд. 1, ед. хр. 21, № 1006, л. 13]. А. К. Салмин отмечает, что в случае смерти ребенка никогда не сворачивают голову курице, как это делают при отделении души взрослого. Хотя в обоих случаях объясняют, что курица в первое время водит душу в ином мире [см.: Салмин, 2007, 353; НА ЧГИГН, отд. 1, ед. хр. 21, № 1933, л. 512].

Продолжительность жизни будущего ребенка мать могла определить по увиденным снам. Информатор Н. И. Ашмарина вспоминала: «Когда я была беременна Андреем, то во сне брала иголку с ниткой — Андрей остался жив; когда была беременна Степанидой, брала иголку без нитки — Степанида через две недели по рождении умерла» [см.: Ашмарин, 1994б, 126]. Отцу видеть во сне выпадение из рук топора предвещало смерть кого-либо из сыновей [НА ЧГИГН, отд. 1, т. 308, л. 262].

По мнению чуваш д. Хорн-Кукшум Ядринского уезда, младенцев после смерти тотчас ангелы уносят на небо и там помещают их в чистейшем и светлейшем месте [Там же, ед. хр. 5807, л. 435]. Еще Эдуард Б. Тайлор отмечал, что душа продолжает свое существование после смерти, так как она предстает в сновидениях, является оставшимся в живых в воспоминаниях и видениях и явно влияет на человеческие души [цит. по: Малиновский, 1998, 20]. Нередко матери, потерявшие детей, по снам пытаются разгадать жизнь души ребенка. Хорошие сны успокаивают матерей, так как они получают весть о том, что их младенцам хорошо в раю. Они молятся Богу и верят, что душа младенца прилетает в дом родителей и садится на окно или на крыльцо, где слышно матери и отцу, и поют жалобно или радостно [НА ЧГИГН, отд. 1, ед. хр. 5807, л. 435]. У чувашей широко распространены представления, что души усопших в родительские дни навещают свои дома в виде бабочек (к ё в е л ё п ё ш ё) [Там же, т. 177, л. 445]. Если в день поминок или религиозные праздники случайно в дом залетит бабочка, ее старались выпустить на улицу, не покалечив. Дюла Мессарош отмечает, что души маленьких детей в виде белой бабочки возвращаются из могилы навещать родителей. Влетит в избу и спрячется где-то на стене. Убивать их нельзя. Если в конце лета с наступлением холодов увидят озябшую бабочку, усевшуюся на

стену, берут в ладоши, согревают своим дыханием и отпускают [см.: Мессарош, 2000, 94]. Среди многих народов Урало-Поволжья существует это поверье, что души умерших навещают живых в виде бабочек и птиц.

По верованиям чувашей загробный мир похож на здешний. Там строго патриархальная жизнь: все покойники повинуются начальнику или главе кладбища, каким является душа старика, который был первым похоронен на кладбище, и без его позволения не могут уходить с кладбища на волю. Дети находятся под покровительством старших. Покойники имеют общение с внешним миром, в особенности со своими живыми родственниками, и оказывают влияние на их жизнь. В течение сорока дней после смерти человека его душа часто посещает свой дом [см.: Комиссаров, 2003, 75—76]. В самых разнообразных рассказах о душе и загробной жизни получила фантастическое отражение их земная жизнь [см.: Кудряшов, 1974, 83].

Душа человека живет в ином мире якобы со всеми земными потребностями и привычками человека. Поэтому покойников старались снабжать некоторыми припасами, по сезону клали орудия [Там же, 82]. В ряде мест до выноса гроба мать сцеживала немного грудного молока на щепку от гроба, либо на хлебный мякиш брызгала грудное молоко и укладывала это в гроб вместе с ребенком [см.: Егорова, 2006, 155]. Иными словами, мать снабжала ребенка грудным молоком на первое время, чтобы он не мучался на том свете без молока. Детям чуть постарше у изголовья могли положить нож, чтобы они могли на том свете резать и есть хлеб, и иголку с ниткой для изготовления одежды [НА ЧГИГН, отд. 1, ед. хр. 147, № 1100, л. 117].

В д. Кожай-Семеновка Меякинского района Республики Башкортостан поминки по умершим детям проводят только на сороковой день. Перед выходом из дома для проводов души зажигают свечи за всех умерших в семье людях, чтобы они были всегда вместе.

Душа приходила в свой дом и в последующее время, особенно тогда, когда родственники долгое время не устраивали поминовения по умершему. В таких случаях душа покойника приходила в дом и напоминала о себе, причиняя тем или другим членам семьи боль — вызывала болезнь в семье. Напротив, когда она была довольна живыми, она покровительствовала им и содействовала их благополучию [см.: Комиссаров, 2003, 76—77].

В религиозных представлениях чувашей значительное место занимала вера в загробный мир, который был продолжением земной жизни. Душа — определенная субстанция жизненного начала, основа жизненности человека. Со смертью человека душа подвергается превращениям, трансформируется в иное состояние, принимает иную форму. Календарный регламент душ предусматривал их приход в свои дома в поминальные дни и праздники. При рождении ребенка душа, пребывающая в ином мире, снова переходит границу миров и вновь, испытывая превращения, трансформируется в земного жителя. И так до бесконечности. Смерть и рождение ребенка являются границами пересечения двух миров — реального и воображаемого. Исключение составляют души брошенных детей, которые не могут проходить заданный круговорот жизни.

Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Т. 1. Чебоксары, 1994а.

Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Т. 5. Чебоксары, 1994б.

- Ашмарин Н. И.* Словарь чувашского языка. Т. 15—16. Чебоксары, 2000.
- Благовидов И.* Материалы к исследованию здоровья инородцев Симбирской губернии Буинского уезда — чуваш, мордвы и татар, собранные посредством измерения роста, окружности груди, емкости легких и веса : дисс... докт. мед. наук. СПб., 1886.
- Волков Г. Н.* Этнопедагогика чувашей. М., 1997.
- Гаврилов Б. Г.* Поверья, обряды и обычаи вотяков Мамадышского уезда Урьясь-учинского прихода // Тр. IV Археол. съезда. Т. 2, отд-ние 4 и 5 : Быт домашний, общественный и религиозный. Казань, 1891.
- Геннеп А. ван.* Обряды перехода : системат. описание обрядов. М., 1999.
- Денисова Н. П.* Человек в традиционных религиозно-мифических представлениях чувашей // Вопр. традиц. духов. культуры чувашей / ЧНИИ. Чебоксары, 1989.
- Егорова О.В.* Родильные обряды и поверья чувашей // Этнология религии чувашей. Вып.1. Чебоксары, 2003.
- Егорова О.В.* Дети в похоронно-поминальной обрядности чувашей // Пробл. этнокультур. взаимодействия в Урало-Поволжье: история и современность : материалы и тез. докл. Межрегион. науч.-практ. конф. Самара, 2006.
- Комиссаров Г. И.* О чувашах : Исследования. Воспоминания. Дневники, письма. Чебоксары, 2003.
- Кудряшов Г. Е.* Динамика полисинкретической религиозности. Чебоксары, 1974.
- Магницкий В. К.* Материалы к объяснению старой чувашской веры. Казань, 1881.
- Малиновский Б.* Магия, наука и религия. М., 1998.
- Мальхов П. М.* Симбирские чуваша и поэзия их. Казань, 1877.
- Мессарош Д.* Памятники старой чувашской веры. Чебоксары, 2000.
- Никольский Н. В.* Народная медицина у чуваш // Собр. соч. Т. 1 : Труды по этнографии и фольклору чувашского народа. Чебоксары, 2004.
- С.А.* О чувашах // Северный архив. 1827. № 9—11.
- Савельева П.С.* Казанские чуваша // ЖМВД. 1851. Кн. 12.
- Салмин А. К.* Старинные религиозные обряды // Молодой коммунист. 1989. 19 окт. С. 6.
- Салмин А. К.* Система религии чувашей. СПб., 2007.
- Токарев С. А.* Душа // Мифы народов мира : энциклопедия : в 2 т. / под ред. С. А. Токарева. М., 2003. Т. 1.
- Толстая С. М.* Душа // Славянские древности : этнолингв. слов. : в 5 т. Т. 2. М., 1999.
- Чуваши : этнограф. исслед. Ч. 2. Чебоксары, 1972.

Статья поступила в редакцию 15.02.2008 г.